

Алхасова Светлана Михайловна

ФИКСАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОРРЕЛЯЦИЙ МЕЖДУ АППЕРЦЕПТИВНЫМИ ВАРИАНТАМИ ПОДЛИННИКА И ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются вопросы корреляций апперцептивных (интерпретационных) вариантов перевода фольклорных песен с кабардино-черкесского языка на русский язык. Приводятся примеры историко-героических песен в переводе просветителя XIX в. Шоры Бекмурзина Ногмова, а также русского ученого и переводчика Г. Турчанинова. Автор оценивает переводы текстов с позиций стилистической и лексико-семантической корреляции с подлинником.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 22-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

16. Lachenicht L. G. Aggravating Language: a Study of Abusive and Insulting Language // International Journal of Human Communication. 1980. № 13 (4). P. 607-688.
17. Leech G. N. Principles of Pragmatics. N. Y.: Longman, 1983. 250 p.
18. Meier A. J. Passages of Politeness // Journal of Pragmatics. 1995. № 24. P. 381-392.
19. Priestley J. B. Dangerous Corner. M.: Менеджер, 1997. 208 с.
20. Priestley J. B. Time and the Conways. M.: Менеджер, 1997. 208 с.
21. Shaffer P. Five Finger Exercise. Modern English Drama. M.: Raduga Publishers, 1984. P. 33-156.
22. Wesker A. Modern English Plays. M.: Progress Publishers, 1966. 382 p.
23. Williams T. A Streetcar Named Desire. Penguin Books, Ltd., 1978. 313 p.

DISCURSIVE PARTICLES AS INDICATORS OF OBSERVING AND VIOLATING THE NORMS OF POLITENESS

Avakova Marina Lazarevna
Pyatigorsk State Linguistic University
marina-avakova@yandex.ru

The article is devoted to investigating the pragmatic characteristics of discursive particles („just“, „simply“, „really“, „quite“, „nearly“) in the situations of observing and violating the norms of politeness. The special attention is paid to the shades of meanings of discursive particles in the various contexts. The author finds out that discursive particles, manifesting themselves as downtoners or emphasizees/maximizers, function as indicators of observing or violating the norms of politeness.

Key words and phrases: discursive particles; offensive speech acts; downtoning effect; emphasizing effect; politeness; impoliteness; downtoner; emphasizee; maximizer.

УДК 811.35

Филологические науки

В статье рассматриваются вопросы корреляций апперцептивных (интерпретационных) вариантов перевода фольклорных песен с кабардино-черкесского языка на русский язык. Приводятся примеры историко-героических песен в переводе просветителя XIX в. Шоры Бекмурзина Ногмова, а также русского ученого и переводчика Г. Турчанинова. Автор оценивает переводы текстов с позиций стилистической и лексико-семантической корреляции с подлинником.

Ключевые слова и фразы: апперцептивный; перевод; корреляция; стилистический; дословная точность; варианты; художественный; современный текст; фольклорная песня.

Алхасова Светлана Михайловна, д. филол. н.
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
alkhas55@mail.ru

ФИКСАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОРРЕЛЯЦИЙ МЕЖДУ АППЕРЦЕПТИВНЫМИ ВАРИАНТАМИ ПОДЛИННИКА И ПЕРЕВОДА©

Ещё в XIX веке известный теоретик перевода Вейнберг оценивал русские переводы Шекспира и Гейне, осуществленные Д. Л. Михайловским, с позиций корреляций между апперцептивными (интерпретируемыми) звеньями текста¹. Он отмечал, к примеру, что Михайловский в своих переводах сохраняет внутренний смысл подлинника, его общий, а также местный и временный колорит, поэтичность; при этом он не упускает из виду условия русского языка сравнительно с языком подлинника. Поэтому он не ломает язык перевода насильственно для соблюдения точности. В другом случае, говоря о переводе «Антония и Клеопатры», осуществленном Фетом, Вейнберг резко отрицательно относится к стремлению Фета передавать подлинник буквально, в самом тесном значении этого слова. По его мнению, это приводит к «тяжеловесности и стилистической неуклюжести» [1].

В данной статье речь пойдет о поэтических произведениях несколько иного характера, а именно – о народной поэзии. Тем не менее, требования к корреляции колорита, поэтичности, внутреннего смысла подлинника и сохранению условий языка остаются в силе, но с некоторой спецификой, присущей только фольклорным песням.

© Алхасова С. М., 2014

¹ **Вейнберг П. И.** (1830-1908) – поэт, переводчик и литературовед. Был одно время профессором Варшавского университета. Произведения В. печатались в Петербурге в «Иллюстрации», «Современнике», «Искре», «Будильнике» и др. органах. Юмористические стихотворения Вейнберга появлялись за подписью «Гейне из Тамбова». Редактировал журналы «Век» (1860-1861), «Изыщная литература» (1883-1885) и др. Выпустил «Страницы из истории западных литератур», «Народные песни об Иване Грозном» и др.; издавал учебные пособия («Европейский театр», «Европейские классики» и др.). Популярность Вейнберг приобрел переводами Гейне, Байрона, Гёте, Лессинга, Шекспира, Шелли и других европейских классиков (см.: Батюшков Ф. К 50-летию литературной деятельности Вейнберга. М.: Б., 1901; Котляревский Н. К 50-летию литературного фонда, 1901; Веселовский Ю. Петр Исаевич Вейнберг «История русской литературы XIX в.». Т. III. С. 213-217; 218-221).

Специфика исторически сложившихся способов перевода адыгского (черкесского) фольклора заключается в том, что нет четкой границы между фольклористическим и литературно-художественными способами перевода, особенно в дореволюционных текстах. Они органически перемежаются, взаимодействуя друг с другом целой системой совокупных признаков. Как показывает практика, перевод фольклорных песен колеблется между двумя крайними методами: дословно точным, но художественно неполноценным и художественно полноценным, но далеким от оригинала, вольным переводом. Синтезировать эти два принципа перевода и посчитать это верным решением теоретически просто. Однако в практике перевода данный синтез невозможен: язык подлинника и язык перевода используют совершенно различные средства для выражения одного и того же значения. Дословная точность и художественность оказываются в постоянном противоречии друг с другом. Возникает необходимость найти способ диалектического разрешения этого противоречия.

Для примера возьмём фрагмент из лирической историко-героической песни «Шихънагъ» («Епископ»), записанный и изданный адыгским просветителем XIX в. Шорой Бекмурзиным Ногмовым в известной работе «Филологические труды» [1, с. 24-25]. Шора Бекмурзин Ногмов – её первый переводчик. Адыгский просветитель использовал буквальный способ перевода, литературный же перевод осуществил Г. Турчанинов [2, с. 7-22].

Буквальный перевод Ш. Ногмова:

- (1) Уэ, шихънагъыри ди къан,
О, Епископ (он самый) наш покровитель.
- (2) Шихънагъыри ди нэху,
Епископ (он самый) наш свет.
- (3) Тхъэ зи къаныр мэхасэ,
Бога который приемник (ом) судит.
- (4) и хасэпІэри ІуэцхъэцІэц,
И его суда место Ошхаца есть.
- (5) Ар, ІэцхъэцІэ цыгумэ,
О! Ошхац (на) верхушке
- (6) Къухур уннэгугэ цыухуац,
Кость белая домом где воздвигнута.
- (7) Дыжъыныр бжаблэгугэ цигъэжц
Серебро дверными устоями где отлито.
- (8) Тхъэ Іухудхэр щохасэри,
И ангелы где совещаются.

Сравните с литературным переводом Г. Турчанинова:

1. О, Епископ покровитель,
2. О, Епископ наше солнце,
3. Суд рядит преемник бога,
4. Суда место верх Ошхаца.
5. Наверху горы Ошхаца
6. Там, где храм из белой кости
7. С серебряновою дверью,
8. Тхаухуд где обитают.

Как видим, буквальный и художественно-литературный переводы значительно разнятся: и в содержательной части, и во внутреннем смысле подлинника, этнографической специфике. Нарушена также поэтичность подлинника. Особенно страдает буквальный перевод стилистической неуклюжестью и тяжеловесностью. Литературный вариант читается легко, ритмично, почти в рифму, однако внутренний смысл подлинника потерян. К примеру, в литературном переводе исторической песни «Шихънагъ» («Епископ») Г. Турчанинов произвел лексическую трансформацию, которая полностью исказила значение всей фразы (3): вместо «приемник» (т.е. «приёмный») в ногмовском дословном переводе Турчанинов использовал «преемник», ср.: «наследник», «преемственный». Ясно, что лексико-семантическое значение русского слова «преемник», означающее «наследник», нарушено. Следует отметить, что в этой же фразе (3) семантика слова «махасэ» интерпретируется (-ма – формант местоимения единственного числа третьего лица). Сравните, «хасэ» встречается в песне в разной грамматической форме в трёх вариантах:

1. и хасэпІэри	суда место	буквальный перевод
2. махасэ	суд рядит	литературный перевод
3. що-хасэ-ри	обитают	литературный перевод

Как видим, во всех трех вариантах дословного и литературного переводов слово «хасэ» имеет разное лексико-семантическое значение. Заметим, что в современных переводах фольклорных текстов на русский язык слово «хасэ» дается без перевода: оно приобретает межъязыковое значение. Кстати, во всех адыгских текстах слово «хасэ» встречается весьма часто. К примеру:

- Еуцыгуаори мэшэс – Когда он ударяет лошадь, на неё садясь,
Нарт хасэм дыклонц, – жири. – «В собранье нартов еду я», – он грозно кличет [2].*

Из приведенного фрагмента явствует, что «хасэ» в древние века употреблялось в значении «собрание», «совет», но никак не «суд».

Что руководило автором буквального перевода Ш. Ногмовым, когда он переводил данное слово как «суд»? Ведь в незнании родного языка адыгского просветителя никак не упрекнёшь. Заметим, что литературный переводчик Г. Турчанинов повторяет перевод Ногмова и вторит ему. Вопрос напрашивается сам собой: может быть, во времена Шоры Бекмурзина Ногмова слово «хасэ» употреблялось именно в значении «суд»? Это вызывает сомнение, так как ни в одном из двенадцати адыгских диалектов¹ слово «хасэ» не встречается в значении «суд». Следовательно, нет тому доказательств. А потому и «хасэнлэ» не означает «место суда». Оно означает «место собрания, схода» или «место совета». В живом функционировании это слово встречается в значении «совет», «Собрание», «совещание». Слово «хасэ» как живое функционирует сегодня во всех адыгских диалектах в значении «собрание». В третьем варианте литературного перевода семантическая структура слова расходится с оригиналом. Это, скорее, не художественно-литературный, а вольный перевод, следовательно, не эквивалентный оригиналу: «*що-хасэ-ри*» – глагольная форма, т.е. это сказуемое, образованное от существительного «хасэ»: *що-* – префикс, *-ри* – глагольный суффикс. Переведено как «*обитают*». Глаголу «*обитать*», «*обитают*» в адыгском языке есть вполне адекватное слово: «*щылэн*», «*здэщылэр*». Сказуемое «*щохасэри*» означает «*заседают*», «*проводят сход, собрание*».

Слово «*тхаххуд*» (8) Г. Турчанинов вообще не переводит, опускает его. Нам неизвестны причины, побудившие переводчика проигнорировать данное слово. Однако следует заметить, что в современном языке это слово находится в активном словарном употреблении в значении «*красавица*». В фольклоре же оно употребляется в значении «*фея*» или «*ангел*».

В литературном варианте произведена стилистическая модификация: вместо единицы одного лексического пласта – стилистически нейтральной лексики – в переводе обозначилась единица, относящаяся к другому стилистическому пласту – фразеологии. Сравните: «суд рядит» – русское «судить-рядить», усугубив тем самым искаженный перевод – «суда место» – «суд рядит». В целом литературный перевод неэквивалентен подлиннику. Приведем другой пример:

- (6) у (ни) эгуэ – фонетическая трансформация, удвоенное -н-;
 /-гуэ-/ – формант, ставший архаизмом в современном языке;
 /-уэ-/ – современная лексическая форма «унауэ» – дом, домом;
 /кьухур/ – архаизм, современная форма: «кьупщхэ хужьыр» – белая кость.

Буквальный перевод данной (6) строки также неэквивалентный: нельзя «кость воздвигнуть домом». Из костей можно «воздвигнуть» дом. Признак явления на русском языке неверно выделен, отсюда лексическая трансформация, искажающая перевод. В оригинале семантика слов позволяет «кость белую воздвигнуть», так как подобное явление или видение свойственно кабардинскому языку, т.е. подобная функция «белой кости» допустима.

Но, несмотря на выделение различных признаков, и язык оригинала, и язык перевода в равной степени адекватно отражают одно и то же явление действительности. Сложность задачи переводчика состояла в том, чтобы передать стилистические приемы, основанные на игре слов, если в соответствующих словах обоих языков выделены различные признаки (функции), чего не было сделано Шорой Ногмовым, так как в его задачу входила передача текста *дословно*. Но в переводе Г. Турчанинова подобная попытка была сделана. Сравните: «дом – храм». Произошла лексическая и одновременно стилистическая трансформация: в переводе изменилась не только семантика слова, но и слово одного стилистического пласта («дом» – нейтральная лексика) перешло в лексический пласт высокого стиля – «храм». В целом же автор литературного перевода искажил семантику всего предложения – в результате перевод неадекватен оригиналу. Само сочетание слов в данной строке неординарное, хотя высокий стиль фразы позволяет подобную комбинацию. Однако главный недостаток литературного перевода состоит в том, что потеряны фольклорная специфика, её поэтика и связанная с ней специфика сочетания слов. По всей видимости, переводчик пытался спасти фольклорную специфику при помощи лексемы высокого стиля «храм».

Далее в переводе произошли реконструкция предложения, модификация всей структуры. Добавлены части речи, не присутствующие в оригинале. Сравните: «там, где...» – введено наречие, которого нет в оригинале (см. строку 6). Кроме того, в данном предложении произошла инверсия. Это было вызвано следующей необходимостью, а именно – дифференциацией в строе языков. Грамматические трансформации обуславливаются различными причинами – как чисто грамматического, так и лексического характера. Хотя основную роль здесь играют грамматические факторы, то есть дифференциация языкового строя.

Таким образом, при переводе данного предложения обе модификации тесно переплелись, и данная трансформация носит лексико-семантический характер.

В переводах Ш. Ногмова и Г. Турчанинова не отражено одно немаловажное обстоятельство: в действии, происходящем в данном эпизоде исторической песни, подразумевается действующее лицо, главный герой, на это указывает префикс -щ (-щи) – «он»; сравните: «*щихуаш*» – «он воздвигнул». В данном случае подразумевается местоимение 3-го лица единственного числа. Окончание «-щ» – аористная форма прошедшего времени, означающая абсолютно законченное действие; как правило, оно прибавляется как окончание к вспомогательному глаголу.

Итак, анализ материала показал, что при фиксации информационных корреляций между апперцептивными вариантами подлинника и перевода, между буквальным и вольным способами перевода выявились две контрапозиции, адверсивные тенденции, при которых происходят диверсия максимальной эквивалентности, намеренный или невольный отказ переводчика от полноты передачи оригинала. При анализе материала мы выявили, что буквальный (дословный) и литературный вольный способы перевода тяготеют к тенденции адверсивности, в то же время они обладают идентичной способностью.

¹ Адыгский (язык) – в него входят кабардино-черкесский, все диалекты адыгейского и язык зарубежных черкесов.

При буквальном переводе переводчик устанавливает эквивалентность лишь на уровне языковых эквивалентов, не учитывая информацию, передаваемую на иных уровнях контента. При вольном литературном переводе эквивалентность устанавливается лишь на уровне описания ситуации – «exposition situation», в лучшем случае – на коммуникативном уровне – «information level». Иначе говоря, при буквальном и вольном переводах возникает не полностью реализованный процесс перевода, в результате которого рождаются тексты, не обладающие достаточной степенью эквивалентности оригиналу.

Буквальный перевод всегда является переводом неоттрансформированным. При этом часто недооценивается идиоматичность языка. И буквальный, и вольный переводы искажают коммуникативный эффект оригинала и тем самым ведут к нарушению эквивалентности и адекватности. В то же время они являются адверсивными: если буквальный перевод неоттрансформирован, то вольный перевод перетрансформирован. В настоящее время строгие нормы и рамки фольклористического и научно-лингвистического переводов делают крайние проявления переводческих вольностей невозможными.

Список литературы

1. **Ногма Ш. Б.** Филологические труды. Нальчик: КНИИ, 1956. С. 24-25.
2. **Турчанинов Г.** О жизни и деятельности Шоры Ногма // Ногма Ш. Б. Филологические труды. Нальчик: КНИИ, 1956. С. 7-22.

FIXATION OF INFORMATIONAL CORRELATIONS BETWEEN APPERCEPTIVE VARIANTS OF ORIGINAL AND TRANSLATION

Alkhasova Svetlana Mikhailovna, Doctor in Philology
*Kabardino-Balkaria Institute of Humanitarian Researches
of Kabardino-Balkaria Scientific Center of Russian Academy of Sciences
alkhas55@mail.ru*

The article considers the questions of apperceptive (interpretive) variants correlations of folk songs translation from the Kabardino-Circassian language into Russian. The examples of historical and heroic songs translations made by the educator of the XIX century Shora Bekmurzin Nogmov and the Russian scientist and translator G. Turchaninov are given. The author evaluates the translations of texts from the standpoint of stylistic and lexical-semantic correlation with the original.

Key words and phrases: apperceptive; translation; correlation; stylistic; literal accuracy; variants; artistic; modern text; folk song.

УДК 81*27

Филологические науки

В статье описывается исследование паремиологической репрезентации концепта «Дар» на материале английского, русского и чувашского языков с целью установления его национальной специфики. Исследование выполнено в рамках семантико-когнитивного подхода к анализу языка. В ходе исследования было установлено количество паремий, объективирующей рассматриваемый концепт в каждом из трёх языков, были выявлены и ранжированы по яркости его когнитивные признаки.

Ключевые слова и фразы: концепт; дар; паремиологическая репрезентация; национальная специфика; английский язык; русский язык; чувашский язык.

Андреева Елена Александровна

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова
elesan13@mail.ru*

УСТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ КОНЦЕПТА «ДАР» ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ ЕГО ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ)©

Согласно основополагающей идее когнитивной лингвистики, концепт как ментальная единица рассредоточен во всём многообразии средств его языковой репрезентации, и с помощью анализа семантики этих средств можно получить представление о его структуре и содержании, а также определить его место в национальной концептосфере.

Одним из таких средств репрезентации концепта в языке являются пословицы и поговорки, или паремии – афоризмы народного происхождения, имеющие назидательный смысл [1, с. 240, 242]. В яркой, лаконичной форме паремии выражают представления народа о мироустройстве, отражают особенности его национального характера, культурные стереотипы, ценности и приоритеты. В них зафиксирован результат длительного осмысления народом того или иного объекта или явления действительности, и поэтому они оказываются чрезвычайно информативными при изучении концептов, в частности, в целях выявления их национальной специфики.